

УДК 94(470)“1812”(093.3) + 801.82 + 821.161.1-311.6

В. В. Дергачев

ВОЙНА 1812 г. В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКА

Анализируется статья А. С. Норова, посвященная роману Л. Н. Толстого «Война и мир». Как участник Бородинского сражения и исходя из прекрасно ему известного исторического материала, А. С. Норов восстанавливает историческую справедливость и рисует объективную картину событий Отечественной войны 1812 г.

Ключевые слова: художественный текст; литературное наследство; воспоминания; роман; литературный образ; исторический персонаж, Л. Толстой.

200-летний юбилей Бородинского сражения привлекает внимание историков и других специалистов, которые вновь обращаются к событиям войны 1812 г. и с высоты прожитых лет дают им оценку. Историческая справедливость требует введения в научный оборот замечательной работы А. С. Норова, ушедшего в семнадцатилетнем возрасте добровольцем в русскую армию и героически сражавшегося с войсками Наполеона. Известный своими литературными талантами, образованнейший человек своего времени, министр народного просвещения А. С. Норов оставил большое литературное наследство, в котором статья «Война и мир (1805—1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (по поводу сочинения графа Л. Н. Толстого “Война и мир”)» [см.: Норов, 1868] занимает достойное место. Скромно названная «по воспоминаниям современника», на самом деле она написана рукой участника сражения, принявшего в нем самое горячее участие, тяжело раненного и в результате потерявшего ногу.

Не сломленный тяжелым ранением, он нашел утешение в изучении древних языков, много путешествовал, писал, собирал рукописи и редкие книги. Свой архив он подарил Румянцевскому музею. Собрание рукописей Авраама Сергеевича Норова, насчитывающее 57 номеров, ныне хранится в Отделе рукописей РГБ под № 201. Оно дает представление о незаурядном литературном вкусе и разносторонних культурных интересах коллекционера. И сама личность А. С. Норова (1795—1869) представляет большой интерес. Герой войны 1812 г., министр народного просвещения, председатель Археографической комиссии, писатель, библиофил, А. С. Норов тесно общался с культурной элитой XIX в. Этот факт его биографии подтверждают экспонаты коллекции, среди которых имеется много писем от выдающихся людей эпохи. А. С. Норов принадлежал к знатной дворянской семье. Родился он в родовом имении отца в Саратовской губернии, получил домашнее образование, которое продолжил в Благородном пансионе при Московском университете. После пансиона А. С. Норов поступил в гвардию и в 17 лет стал участником войны 1812 г. В Бородинском сражении он получил тяжелое ранение в ногу, которую пришлось отнять. После войны он посвятил свою жизнь изучению иностранных языков, древней истории, литературы и литературному творчеству. Необходимо упомянуть, что он обладал большими лингвистическими способностями,

в совершенстве знал французский, английский, немецкий, итальянский, латинский, греческий и древнееврейский языки. В основном он писал стихи, но в 1822 г., совершив путешествие на Сицилию, написал первую книгу в жанре записок путешественника. Его «Путешествие по Сицилии в 1822 г.» было опубликовано в популярной петербургской типографии Сытина в 1828 г. [см.: Норов, 1828]. Оно представляет замечательный синтез географических, исторических и искусствоведческих сведений, густо сдобренных литературными экскурсами в античное прошлое и объединенных удивительным талантом автора. После путешествия образы прекрасной Италии не покидают автора, и он в 1823 г. пишет замечательное стихотворение «Ночь на Средиземном море» [см.: РГБ, ф. 38, № 17].

Оригинальные стихотворения, переводы, прозаические произведения А. С. Норова публиковались в таких известных изданиях, как «Полярная звезда», «Сын Отечества», «Русский инвалид», «Благонамеренный», «Московский вестник», «Соревнователь» и др.

А. С. Норов много путешествовал. Кроме Италии, он посетил Германию, Францию, Египет, Нубию, Палестину, Сирию, а также Малую Азию. Путешествия, совершенные в 30-е гг. по Востоку, он описал в своих выдающихся трудах [см.: Норов, 1838; 1840]. В 1861 г. он вновь побывал в Палестине и описал свое путешествие в очерке «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на восток А. С. Норова» [см.: Норов, 1878]. Необходимо отметить, что А. С. Норов детально изучил тексты «Паломников», а текст древнейшего русского датированного хождения — «Хождения игумена Даниила» — издал с подробными комментариями [Путешествие игумена Даниила по Св. Земле].

Брат Норова Василий Сергеевич был декабристом, сам Авраам Сергеевич был близко знаком со многими декабристами. Он часто встречался также с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Чаадевым, О. И. Сенковским, В. Ф. Одоевским и П. А. Вяземским. С 1854 по 1858 г. А. С. Норов был министром просвещения Российской империи и членом Государственного совета, с 1851 г. — председателем Археографической комиссии.

А. С. Норов одним из первых опубликовал критическое исследование романа Л. Н. Толстого с исторической точки зрения, точнее, с точки зрения непосредственного участника сражений с Наполеоном. В Отделе рукописей РГБ в Ф. 201 под № 75 хранится писарский список 1868 г. с правкой А. С. Норова и подписью-автографом на 95 страницах: «“Война и мир” (1805—1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (по поводу сочинения гр. Л. Н. Толстого “Война и мир”) Авраам Норов. Павловск. 1868 г. сентября 8-го». В том же году это произведение было опубликовано в Санкт-Петербурге [Норов, 1868]. Современные исследователи творчества Л. Н. Толстого критически относятся к этой работе А. С. Норова, повторяя, по сути, позицию своих предшественников 1820-х гг. Подробный анализ их позиции приведен в статье Т. Н. Архангельской, достаточно объективно описавшей ситуацию, сложившуюся в целом у современников относительно критической статьи А. С. Норова [см.: Архангельская]. Однако отдельные пренебрежительные отзывы автора статьи относительно личности Норова вызывают недоумение («Недостаточная компетентность Норова привела к тому, что о министерстве

ходили анекдоты») [Архангельская, с. 14], а отсылки к анекдотам или вырванным из контекста воспоминаниям современников вызывают недоумение. При этом Т. Н. Архангельская не отказывает А. С. Норову в точности воссозданных им картин Бородинского сражения, непосредственным участником которого он являлся: «Бесспорной ценностью работы Норова остается воссозданная им в деталях (настолько, что предполагаешь существование дневниковых записей, о чем, однако, сведений нет) картина Бородинского сражения, представленная участником события, сражавшимся не “на краю” поля битвы, а в его центре, на батарее Раевского. Непосредственным начальником Норова в Бородинском бою был штабс-капитан Афанасий Алексеевич Столыпин, брат бабушки Лермонтова, особенно любимый поэтом» [Там же, с. 5].

А. С. Норов уже в начале своей статьи отмечает, что не только он был разочарован описанием военных баталий, предпринятым Л. Н. Толстым в романе «Война и мир»: «Читатели, которых большая часть, как и сам автор, еще не родились в описываемое время, но ознакомленные с ним с малолетства, по читанным и слышанным ими рассказам, поражены при первых частях романа сначала грустным впечатлением у представленного им в столице пустаго и почти безнравственного высшего круга общества, но вместе с тем имеющего влияние на правительство, а потом отсутствием всякаго в военных действиях и едва не отсутствием военных доблестей, которыми всегда так справедливо гордилась наша армия» [Норов, 1868, с. 1]. Получивший известность в обществе роман Л. Н. Толстого вызвал много вопросов и горьких недоумений у современников: «Читая эти грустные страницы, под обаянием прекраснаго, картиннаго слога, вы надеетесь, что ожидаемая вами блестящая эпоха 1812 года изгладит эти грустные впечатления, но как велико разочарование, когда вы увидите, что громкий славою 1812 год как в военном, так и в гражданском быту представлен вам мыльным пузырем, что целая фаланга наших генералов, которых боевая слава прикована к нашим военным летописям и которых имена переходят доселе из уст в уста новаго военного поколения, составлена была из бездарных, слепых орудий случая, действовавших иногда удачно, и об этих даже их удачах говорится только мельком, и часто с ирониею. Неужели таково было наше общество, неужели такова была наша армия, спрашивали меня многие?» [Там же, с. 1, 2]. Если бы книга была писана иностранцем, замечает далее А. С. Норов, ее многие приняли бы за произведение, написанное по воспоминаниям частных лиц, субъективным и не всегда верным. Но раз книга писана русским писателем, причем не названа им романом, хотя и воспринимается таковым читателем, то у людей по ее прочтении возникает разная реакция: некоторые стараются сравнить описание с документальными источниками и даже «поговорить с небольшим числом оставшихся очевидцев великих отечественных событий», другие, не имеющие на это времени, «не так могут взглянуть на нее». А. С. Норов, будучи сам участником великих событий, «не мог без оскорбленнаго патриотическаго чувства дочитать этот роман, имеющий претензию быть историческим, и, несмотря на преклонность лет моих, счел как бы своим долгом написать несколько строк в память моих бывших начальников и боевых сослуживцев» [Там же, с. 2].

«Не отступая от строгой исторической истины, всякий безпристрастный писатель отнесет всю неудачу кампании 1805 года к австрийцам. Если б Мак с 70 000 армией не положил оружия, если б Мерфельдт и Ностиц не сделали почти того же самого, то даже без соединения с войсками эрц-герцогов успех кампании мог быть довольно верен под начальством такого вождя, каким был Кутузов. Герой романа графа Толстаго, князь Болконской, присутствует почти во все время славной ретирады Кутузова от Браунау, и автор имел случай выказать подвиги нашей армии», — пишет А. С. Норов. Однако, продолжает он далее, «во всем романе графа Толстаго князь Болконской гораздо умнее и Кутузова, и Багратиона, и всех наших генералов. Найдете ли вы там славную битву Багратиона и Милорадовича под Амштетеном, где эти два суворовские генерала воодушевляли друг друга памятью Требии и Нови и где Милорадович прозвал своих апшеронцев: “ce sont des scânes”) (щеголяя французским языком, который он плохо знал)? Битва под Амштетеном останется в военной истории как одна из самых яростных, где русский штык истинно ознаменовал себя. Посмотрите же как граф Толстой отозвался о том: “Были дела при Ламбахе, Амштетене и Мельке; но несмотря на храбрость и стойкость, признаваемая самим неприятелем, с которыми дрались русские, *последствием этих дел было только еще быстрейшее отступление*” — только что не сказано *бегство!* Но какое же это было отступление? Никакие силы французов не могли не только сломить, но даже и разстроить наш арриергард. Это отступление, по глубоко обдуманному плану, спасало всю армию и было доведено до конца с полным успехом чрез соединение с армиею, шедшею из России до катастрофы аустерлицкой, где уже не Кутузов, а *гофскригсрат и гадкие проектеры*, как говаривал Суворов, сделались главнокомандующими» [Норов, 1868, с. 5, 6].

О битве при Шенграбене А. С. Норов пишет, что «этой битвой князь Багратион воздвиг себе монумент, который обережет навсегда военная история. В пылу боя, при неизменном хладнокровии, он своею распорядительностию умел всегда удержать своим присутствием стройное отступление, приготовляя заблаговременно прикрытие отступающим, и дать им время устроиться от понесенных потерь». И далее возмущается: «Разверните теперь романический рассказ графа Толстаго: он живописен и, так сказать, *пахнет порохом*; но не прискорбно ли видеть, что такой отличный талант автора принял ложное направление? Узнаёте ли вы в этом рассказе славную личность Багратиона как полководца? вы тут видите в нем ничем не развлекаемого храбреца, объезжающего ряды войск под градом пуль, кивающего головой и говорящего: “хорошо” на все делаемая ему донесения, хотя бы это было и нехорошо... И князь Болконский “к удивлению замечал, прислушиваясь к разговорам князя Багратиона с начальниками, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями”. Весь успех дня, по его мнению, выраженному им самому полководцу, принадлежал батарею капитана Гушина (которой действие, между прочим, мастерски описано), и князь Болконский принужден был обратить внимание князя Багратиона на этого храброго батареяного

командира, который даже не замечен князем Багратионом, не удостоившим его никаким *спасибо*. Перед началом сражения, князь Болконский с батареи Тушина начерчивал искусный план предстоящего сражения, и этим как бы намекается, что таким-то образом следовало бы действовать, если б он был тут главнокомандующим, а не князь Багратион... И это очевидно, потому что впоследствии ход сражения был несогласен с стратегическими соображениями Болконского, тем более что князь Багратион, во время сражения, давал важнейшие поручения преимущественно своему личному адъютанту Жаркову, который оказывается трусом и не доезжает ни до одного из угрожаемых пунктов, не передавая таким образом приказания Багратиона» [Норов, 1868, с. 10, 11].

А. С. Норов в сердцах восклицает: «Сколько вдохновительных строк могли бы излиться из-под искуснаго пера графа Толстаго, если б он описал присоединение оставшихся из четырех тысяч двух тысяч героев Багратиона...» Но, с горечью констатирует он далее, «Вот так выразился об этом граф Толстой: “На другой день французы не возобновляли нападения, и остаток Багратионова отряда присоединился к армии Кутузова”. Стараясь сохранять спокойствие при описании столь близких его сердцу событий, А. С. Норов не может удержаться от использования негативно маркированной лексики: «Можно ли не возмутиться... Настает Аустерлиц... но я не хочу тут следовать за графом Толстым. Мое перо не будет растревлять раны русского сердца... Нельзя не выписать цинических слов романиста...» [Там же, с. 11, 12].

Возвращаясь к событиям 1812 г., А. С. Норов противопоставляет их описание, выполненное героем войны 1812 г. Ермоловым, описанию Толстого: «Вот и 1812 год. Ермолов начинает свои записки так: “Настал 1812 год, памятный каждому русскому, тяжкий потерями, знаменитый блистательною славою в роды родов!” Посмотрим, какие эпизоды этой чудной народной эпопеи представил нам граф Толстой и как он их представил» [Там же, с. 12]. Увы, и в описаниях военных событий 1812 г. Толстой неточен и предвзят: «Можно было безответственно называть и заставлять говорить по-своему князя Андрея Болконского, Безухова или Ростова, но без положительных фактов ставить на сцену, как мы видели в первых томах, Кутузова, Багратиона, а теперь великаго князя Константина Павловича, Румянцова и других, как мы увидим далее, едва ли позволительно какому бы то ни было талантливому автору» [Норов, 1868, с. 13]. «Разговор Наполеона с Балашевым смешон... Кто знал канцлера Румянцова, тот также не вложит в его уста или в его мысли то, что высказал граф Толстой» [Там же, с. 15] — таковы характеристики труда Толстого.

Участник военных действий и блистательный ученый, А. С. Норов убедительно, с учетом всех подробностей, опровергает точность описания и самих военных баталлий, и исторических событий. Так, например, атаку павлоградцев следует перенести из сражения при Островне к сражению Торماسова при Городечне. Или «А как же это, по словам романиста, “Французы *наткнулись* на дивизию Неверовскаго”, тогда как князь Багратион, соединясь в Смоленске с Барклаем, немедленно отрядил дивизию Неверовскаго для наблюдения пути из Орши в Смоленск?... Французы *не могли не наткнуться* на Неверовскаго. И кто же на него наткнулся? Мюрат с кавалерийскими корпусами Груши, Нан-

сути и Монбрёна и наступающая вслед за ними пехотная колонна корпуса маршала Нея» [Норов, 1868, с. 18, 19].

Но более, нежели ошибки при описании военных событий, возмущают А. С. Норова превратные описания самих героев войны 1812 г.: «Мы не ставили бы на вид автору романа главные военные эпизоды нашей славной войны 1812 года, если бы он не выходил из рамки романа, не вставлял в нее военные эпизоды, облакая их стратегическими разсуждениями, рисуя боевые диспозиции и даже планы батальев, давая всему этому характер исторический, и тем вводя невольно в заблуждение, конечно, не военных, но общество гражданское, гораздо более многочисленное и которому не менее, как и военным, дорога слава нашей армии» [Там же, с. 22, 23]. Особенно он критикует негативное отношение графа Толстого к Барклаю и Багратиону: «Можно ли читать без глубокого чувства оскорбления не только нам, знавшим Багратиона, да и тем, которые знают его геройский характер по истории, то, что позволил себе написать о нем граф Толстой? Всем известно, что Багратион был противных мнений с Барклаем, что он и письменно, и словесно укорял его в ретиреде, что он считал его немцем; но сам-то Багратион считал себя вполне русским, и мог ли этот доблестный воин решиться из нелюбви своей к Барклаю заслужить себе название изменника, избегая *с умыслом*, как то говорит граф Толстой, присоединиться с своей армией к Барклаю!.. Мог ли думать Багратион, что за все принесенные им жертвы отечеству своею кровью геройский прах его будет потревожен таким неслыханным нареканием? Будем надеяться, что только в одном романе графа Толстого можем мы встретиться с подобными оценками мужей нашей отечественной славы и что наши молодые воины, руководясь светочем военных летописей, к которым мы их обращаем, будут с благоговением произносить такие имена, как Багратион... Багратион, только под Бородином, смертельно раненный, будучи свидетелем геройских подвигов Барклая во время битвы, в то время, как доктор Виллие перевязывал ему рану, увидев раненаго Барклаева адъютанта Левенштерна, подозвал его к себе и поручил ему уверить Барклая в своем искреннем уважении» [Там же, с. 17, 18].

С сарказмом, совершенно для него нехарактерным, А. С. Норов уличает Толстого в его нежелании описывать «славные для русского оружия» сражения: «Конечно, романист не историк и может приводить только те обстоятельства, которые касаются его героев; вероятно оттого он ни слова не сказал о славных для русского оружия битвах графа Витгенштейна, о его победе под Клястицами, о победах под Кобрином и Городечною Торماسова и даже о поражении генерала Себастиани казацкими полками атамана Платова при Молевом Болоте у Инкова» [Там же, с. 19].

Даже описание Наполеона Толстым вызывает у А. С. Норова неприятие. Отметив, что граф Толстой говорит, что Наполеон «очень лениво искал сражения», А. С. Норов иронически замечает, что он хочет всех заставить поверить, что знает Наполеона лучше всех, лучше даже, нежели сами французы. Мотивации поступков исторических лиц в романе, описанные его автором, вызывают недоверие у А. С. Норова: «Но мы удержимся оценивать подобныя разсуждения, которыми преисполнен роман графа Толстого, по которымъ и Юлий Цезарь,

и Наполеон, и Суворов, и все полководцы обязаны своими победами впечатлениям хорошей или дурной погоды, или, как Ростов, желанием поратовать по избранному ими полю!..» [Норов, 1868, с. 20].

Особенно удручает и возмущает А. С. Норова описание Толстым дворянского сословия: «Но какое сословие пощажено в романе графа Толстаго? Мы видели, как он обрисовывал наших полководцев и нашу армию; посмотрите теперь, что такое у него наши дворяне, купечество и наши крестьяне. Прочтите, как он описывает дворянское и купеческое собрание в Москве при встрече государя, прибывшаго из Смоленска с воззванием к своему народу. Эти сословия в романе графа Толстаго суть не иное что, как панургово стадо, где, по мановению Ростопчина, плешивые вельможи-старики и беззубые сенаторы, проводившие жизнь с шутами и за бостоном, поддакивали и подписывали все, что им укажут. Не одно симбирское дворянство, а дворянство всей России исполнило не на словах, а на деле то, что было им определено: “Внимая гласу Монаршаго воззвания по случаю нашествия на отечество наше неприятелей, дворянство единогласно изъявило желание, оставя жен и детей своих, препоясаться всем до одинаго и идти защищать веру, Царя и дома, не щадя живота своего”» [Там же, с. 23]. А. С. Норов, герой войны 1812 г., написавший это уже будучи в преклонном возрасте, апеллирует к памяти детей ушедших к тому времени из жизни участников сражений: «Еще остались дети тех плешивых стариков-вельмож и беззубых сенаторов, которыя также теперь беззубые и плешивые, но которыя помнят, как их отцы и матери посылали их еще юношами одного на смену другаго, когда первый возвращался на костылях или совсем не возвращался, положив свои кости на поле битвы, и как их отцы, хотя плешивые, но помнившие Румянцова и Суворова, сами становились в главе ополчений. Их имена остались еще и останутся в наших летописях в укор их насмешникам...» [Там же, с. 23]. Эти люди, на взгляд А. С. Норова, являются еще живыми свидетелями героических событий и не позволят чернить память своих отцов пусть и художественным, но не соответствующим действительности вымыслом.

Норов сожалеет, что у графа Толстаго не нашлось красок описать подвиг смолян, на которых свалились все тяготы войны: пожар и разрушение Смоленска, героические битвы русских войск под его стенами, геройский подвиг Ангельгардта и Шубина, расстрелянных французами за отказ принять у них административную должность и сделать воззвание к крестьянам о повиновении французам. Высокий подвиг смоленских дворян оказался незамеченный графом Толстым, в то время как он не забыт смолянами, поставившими Ангельгардту и Шубину памятник на том месте, где они были расстреляны.

Любопытен подмеченный во время вынужденного отступления из Москвы А. С. Норовым факт, что солдаты, читая на верстах, насколько они удаляются от Москвы, начинали страшно ругаться, в связи с чем версты пришлось зараннее свозить с дороги. Само отступление русской армии он сравнивает с вынужденным неодолимою силою отступлением льва, выискивающего момент вновь кинуться на врага. Даже ропот отступающих русских воинов утих, поскольку они чувствовали, что «настают торжественные дни кровавой развязки и отмще-

ния». И лишь граф Толстой не мог понять, для чего необходимо было Бородинское сражение, считая его бессмысленным как для русских, так и для французов.

А. С. Норов возмущен рассказом Толстого о том, как Кутузов, принимая в Цареве-Займище армию, был занят более чтением романа г-жи Жанлис, нежели докладом дежурного генерала. «Конечно, тот, кто сообщил графу Толстому этот *пикантный* анекдот, буде он достоверен, либо не знал, либо не понимал Кутузова. И есть ли какое вероятие, чтобы Кутузов, ехавший прямо из Петербурга, напутствуемый своим монархом, всем населением столицы, а в продолжение пути всем народом, когда уже неприятель проник в сердце России, а он с прибытием в Цареве-Займище, видя перед собою все армии Наполеона и находясь накануне решительной, ужасной битвы, имел бы время не только читать, но и думать о романе г-жи Жанлис, с которым он попал в роман графа Толстаго?!!» [Норов, 1868, с. 25].

Не принимает Норов и описание Толстым героя войны 1812 г. гусара Дениса Давыдова в образе старого, усатого, пьяного буяна. Денис Давыдов, заверяет Толстого Норов, которого он хорошо знал, хотя и был усат, находился в цвете лет и не был ни старым, ни пьяным и всегда принадлежал к высшему обществу.

Далее, при описании Бородинского поля, рассказ Норова становится все более персонифицированным: «И подлинно: для скольких тысяч из нас это место сделалось вечною стоянкою». Само сражение он описывает в качестве активного участника: «Я был тогда прапорщиком гвардейской артиллерии во второй легкой роте... Разговоры наши заметно были серьезны; всякий чувствовал, что он стоит на рубеже вечности». А. С. Норов подробно описывает все детали Бородинского сражения, нередко полемизируя с графом Толстым. Так, его возмущает, что Толстой выставил героем Бородина графа Безухова, схватившегося за шиворот с французом, умаляя подвиг Ермолова, выразившись о нем как о лице, приписавшем себе атаку в Бородинской битве, в то время как вся армия была свидетелем подвигу Ермолова, пошедшего вместе с людьми Перновского и Уфимским батальоном на штыки. При этом Норов старается быть объективным к роману Толстого и пишет, что «он в главах 33–35 прекрасно и верно изобразил общие фазисы Бородинской битвы». Сам он подробно описывает все фазы Бородинского сражения вплоть до своего ранения.

Особое значение в работе Норова имеет своеобразный вечный помянник героям Бородинской битвы, напоминающий ту часть Чина православия, где говорится о прославлении памяти поборников благочестия: «Могут ли когда умереть в памяти россиян, вместе с Румянцовыми и Суворовыми, имена Кутузова, Багратиона, Барклая, Милорадовича, Бенигсена, Витгенштейна, Дохтурова, Раевского, Остермана, Коновницына, Платова, Тормасова, Палена, Воронцова, Васильчикова, трех Тучковых, Ермолова, Кутайсова, Паскевича, Неверовского, Багговута. Исчисляем только главных деятелей войны 1812 года: это только такие имена, которые уже залегли в памяти каждого офицера. Сколько же таких генералов как: Кульнев, Дорохов, Илловайский, Уваров, Бороздин, Капцевич, Шевич, Шаховской, Олсуфьев, Сен-При, Яшвилль, Козен, Довре,

Левенштерн, Лихачев, Кретов, Дука, баронъ Корф, Костенецкий, Орлов-Денисов, князь Голицын, граф Строгонов, Щербатов, Крейц, Миллер-Закомельский, Сабанеев; таких штаб-офицеров главного штаба, полковых и батарейных командиров как: Дибич, Манахтин, Розен, Потемкин, Храповицкий, Удом, Бистром, Крыжановский, Базилевич, Таубе, Ладыгин, Столыпин, Захаров, Раль, Богуславский, Шульман, Дитрикс, Нилус, Башмаков, Никитин, Воейков, Меллисино, Мадатов; партизаны: Фигнер, Давыдов, Сеславин, Кудашев. Пишу, не развертывая росписания армий, и называю тех, которых я знал или видел. И можно ли не причесть к этой геройской фаланге знаменитое имя графа Ростопчина, которому, может быть, Москва воздвигнет памятник как своему крестному отцу — *крещенья огненнаго*, из которого она вышла славнее, чем была» [Норов, 1868, с. 44, 45].

Еще один из примеров субъективного подхода к описанию военачальников приведено в следующем отрывке из труда Норова: «Отсюда Кутузов, хотя он и *жевал жареную курицу*, послал своего адъютанта Граббе объехать ряды войск и сказать им, чтобы они готовились сражаться на другой день, тут же заставил Кайсарова написать таковой же приказ по армии и не растерялся так, как его противник, генияльный Наполеон, который ни на что не решался. А граф Толстой, рисуя князя Кутузова под Бородином, говорит о нем *то же самое*, что сказал о князе Багратионе под Шенграбеном: “он не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему”» [Там же, с. 47, 48].

Повторив, что 33, 34 и 35-я главы романа Толстого представляют в общем верную картину Бородинского сражения, Норов ставит ему в вину то, что «это картина *б е з д е й с т в у ю щ и х л и ц* (ибо, конечно, гг. Безухов и Болконский не суть таковыя); у него все делается *н е в и д и м о ю с и л о ю*, *с и л о ю с л у ч а я*; что едва ли согласно с тем высоким назначением, которое дано Богом человеку в здешнем мире. Если нет деятелей, то нет и истории: все доблести тонут в пучине забвения, и всякое одушевление подражать этим доблестям исчезает» [Там же, с. 46].

Описав сам глазами очевидца и активного участника Бородинского сражения события того времени, А. С. Норов советует читателям свериться с сочинениями о войне 1812 г., чтобы получить о ней объективное впечатление и возможность гордиться своими героическими предками.

Архангельская Т. Н. А. С. Норов — оппонент Л. Н. Толстого // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы IX Всерос. науч. конф., Бородино, 4–6 сентября 2000 г. М., 2001. С. 3–19. [Arkhangel'skaya T. N. A. S. Norov — opponent L. N. Tolstogo // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy : materialy IX Vseros. nach. konf., Borodino, 4–6 sentyabrya 2000 g. M., 2001. S. 3–19].

Норов А. С. «Война и мир» (1805–1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника : по поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир». СПб., 1868. [Norov A. S. «Vojna i mir» (1805–1812) s istoricheskoy tochki zreniya i po vospominaniyam sovremennika : po povodu sochineniya grafa L. N. Tolstogo «Vojna i mir». SPb., 1868].

Норов А. С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А. С. Норова. СПб., 1878. [Norov A. S. Ierusalim i Sinaj. Zapiski vtorogo puteshestviya na Vostok A. S. Norova. SPb., 1878].

Норов А. С. Путешествие по Святой земле в 1835 г. СПб., 1838. [Norov A. S. Puteshestvie po Svjatoj zemle v 1835 g. SPb., 1838].

Норов А. С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг. СПб., 1840 (переизд.: М., 2008). [Norov A. S. Puteshestvie po Egiptu i Nubii v 1834—1835 gg. SPb., 1840 (pereizd.: М., 2008)].

Норов А. С. Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., 1847. [Norov A. S. Puteshestvie k semi tserkvam, upominaemym v Apokalipsise. SPb., 1847].

Норов А. С. Путешествие по Сицилии в 1822 г. СПб., 1828. [Norov A. S. Puteshestvie po Sitsilii v 1822 g. SPb., 1828].

Путешествие игумена Даниила по Св. Земле. СПб., 1864 г. [Puteshestvie igumena Daniila po Sv. Zemle. SPb., 1864 g.].

РГБ. Ф. 38 (Л. Н. Толстой). № 17. [RGB. F. 38 (L. N. Tolstoj). N 17].

Статья поступила в редакцию 02.07.2012 г.